

4. *Васильев И. А., Магомед-Эмиров М. Ш.* Мотивация и контроль за действием. М. : Изд-во МГУ, 1991. 144 с.
5. *Вилюнас В. К.* Психология развития мотивации. СПб. : Речь, 2006. 458 с.
6. *Вольф Н. В.* Половые различия функциональной организации процессов полушарной обработки речевой информации. Ростов н/Д : ООО ЦВВР, 2000. 238 с.
7. *Гольберг Э., Коста Л. Д.* Соотношение физиологического и психического в высшей нервной деятельности человека. Новороссийск, 1995. С. 17–23.
8. *Емельянова Н. А., Цатурова И. А.* Диагностика иноязычных способностей студентов и мотивация овладения иностранным языком // Вестн. Верх.-Волж. отд-ния Акад. технол. наук Рос. Федерации. 2008. № 1. С. 243–247.
9. *Епифанова С. В.* Формирование учебной мотивации // Высшее образование в России. 2000. № 3. С. 106–107.
10. *Коробейникова И. И.* Параметры психомоторных реакций, психофизиологические характеристики, успеваемость и показатели ЭЭГ человека // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 1. С. 132–136.
11. *Ливер Б. Л.* Роль доминирующего полушария головного мозга в процессе усвоения русского языка иностранцами. М. : Изд-во АИГО, 2008. 158 с.
12. *Матюхина М. В.* Мотивация учения. М. : 2004. С. 17–23.
13. *Мильман В. Э.* Внутренняя и внешняя мотивация учебной деятельности. М., 2006. С. 193–231.
14. *Сиротюк А. Л.* Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. М., 2003. 107 с.
15. *Соколова Н. С.* Мотивационная составляющая успешности обучения иностранному языку в медицинском вузе // Бюллетень СГМУ. 2000. № 2. С. 87–88.

Статья поступила в редакцию 19.12.2010 г.

УДК 159.922.74 + 81'27 + 398

Н. С. Чернышева

СКАЗОЧНЫЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье анализируются происхождение, структура и современное содержание сказочного символического образа на примере героя русской сказки «Колобок». Анализ осуществляется на универсальном культурном и этнокультурном уровнях. Утверждается преобладание этнокультурной детерминации сказочного символического образа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: символический образ, этнокультурная детерминация, архетип, значение образа.

Современная психология переживает период интенсивного междисциплинарного взаимодействия с другими науками, прежде всего с науками о культуре.

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Степановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, преподаватель факультета психологии Владимирского государственного гуманитарного университета (E-mail: chrnshv@yandex.ru).

© Чернышева Н. С., 2010

К числу перспективных направлений в этой сфере относится изучение символических сказочных образов.

Творческая символическая активность человека является его видоспецифической особенностью. Связь между эволюционным развитием индивида и его способностью к символизации особенно ярко представлена в философии Э. Кассирера [10], экстрасоматической культурологии Л. Уайта [13] и в зарубежной аналитической и архетипической психологии. В отечественной психологии сказочные тексты обычно используются в психотерапевтических и психолого-педагогических целях. В исследовательском плане сказки гораздо чаще привлекают внимание социологов, чем психологов, считающих, что общекультурное содержание фольклора должно стать материалом социологического, а не психологического анализа. В психологии этнокультурная детерминация сказочных образов изучена мало, хотя выявление этнической основы архетипов позволяет увидеть их многозначность, глубину и жизненную силу в современных социокультурных условиях.

Символический образ несет в себе элементы художественного, научного и повседневного практического знания, сохраняя при этом целостный взгляд на мир. Поэтому структура символического образа существенно отличается от структуры *первичного* образа восприятия.

Первичный образ восприятия порождается чувственной тканью в процессе взаимодействия человека с предметным миром. Эта «поднимающаяся изнутри чувственность» рождает форму и мысль, и ей «дела нет до придания реальности картине мира, поскольку она феноменологически первореальность» [4, 17]. Психический образ, включающий, с точки зрения А. Н. Леонтьева, чувственную ткань, значение, личностный смысл, проходит через определенную последовательность формирования: чувственная ткань – значение, обретающее знаковую форму, – личностный смысл. Такой порядок близок общей линии развития человека в его бытийных условиях, которые разделяются на: 1 – реальность предметного мира; 2 – реальность образно-знаковых систем; 3 – реальность социального пространства; 4 – природную реальность [7, 11].

Возникновение символического, *вторичного* по своей природе, образа осуществляется в другой последовательности и начинается в реальности социального пространства. Символический образ, в том числе сказочный, возникает тогда, когда необходимо охарактеризовать объект, не поддающийся прямому, на основе непосредственных физических признаков, называнию, но имеющий для субъекта особый смысл и потому требующий выразительной знаковой формы, которая подбирается путем смысловой аналогии.

Используя для создания символа чувственную форму другого объекта, субъект достигает обогащения и усиления его значения. В этом творческом процессе осуществляется постоянное сравнение «веса» каждого компонента символического образа. Они постоянно взаимно уравниваются: становится более выпуклым личностный смысл – при этом удваивается значение знаковой формы. Если же чувственная основа используется для передачи несвойственного ей значения, то она одновременно начинает терять в выразительности, так как в новом сочетании важна, собственно, не она, а привносимый с ее помощью оттенок чужого значения. Возникающая в итоге структура оказывается настолько прочной,

что восстановить исходное содержание символа становится невозможным. Он превращается в неразложимое и неопределяемое до конца целое.

Процессы формирования и функционирования символического образа можно проследить на примере такого известного персонажа русской народной сказки, как Колобок, применяя для этого ретроспективный анализ исторического материала и объективные методы исследования.

Ретроспективное теоретическое исследование. Отсутствие точных исторических сведений позволяет выдвинуть несколько гипотез относительно первоначального значения образа Колобка. Однако все они опираются на символическую аналогию Колобка с хлебом, поскольку при всем лаконизме сказки понятно, что у Колобка «хлебная» телесность, и он способен катиться, как круглый каравай. Это важно, так как хлеб у славян-язычников был символом изобилия и достатка, и они наделяли сакральными качествами хлеба то, что считали наиболее важным. Чудодейственные возможности хлеба славяне объясняли тем, что это дар Матери-Сырой Земли и небесного бога Сварога. С приходом христианства хлеб стал почитаться как дар Божий, но и при этом он воспринимался как живое существо, даже как образ самого божества [9, 521]. Древнее онтологическое представление о хлебе свойственно многим этническим культурам: «пряничный человечек», «пирог-утекач» или «лепешка» – присутствуют не только в восточнославянском, но и в западноевропейском фольклоре, и это подтверждает единые механизмы сказочной символизации жизненного материала. Крестьяне верили, что если во время приготовления хлеба не выполнялись определенные обряды, то он раздражался, капризничал и «не удавался». Утверждалось, что Бог, наделяя человека хлебом, наделяет его долей и счастьем. В этой древней традиции может заключаться объяснение, почему герой сказки «Колобок» вызывает симпатию и сочувствие, несмотря на его неразумное поведение.

Отечественный переводчик психоаналитической литературы В. К. Мершавка предлагает три варианта интерпретации сказки [6]. В первом, *психоаналитическом*, варианте поведение Колобка аналогично регрессирующему поведению клиента и поэтому констеллирует у окружающих «комплекс пожирающей матери». *Юнгианская* интерпретация строится на такой коннотации слова «Колобок», как «клубок», «круглость», «шар». Согласно точке зрения М.-Л. фон Франц, швейцарского специалиста в области психологической интерпретации сказок, клубок – символ Самости [12]. Соответственно, желание героев сказки съесть Колобка означает попытку ассимиляции Тени, что удается лишь Лисе. В *архетипической* интерпретации три маскулинные фигуры зверей (Заяц, Волк и Медведь) и фемининная фигура (Лиса) позволяют раскрыть, по мнению В. К. Мершавки, присутствующий в сказке архетип *coniunctio*: «Наличие четырех сказочных персонажей говорит о четверичности, символизирующей полноту системы. ...эту четверичность можно интерпретировать и как зооморфное воплощение божественной Троицы с интегрированным фемининным элементом, и как воплощение четырех типологических функций с основной функцией мышления» [6].

Другая, *ритуальная*, гипотеза о значении образа героя основана на повторяющемся описании акта его создания: «Я по коробу скребен, по сусеку ме-

тен...» Ритуальной является сущность самого Колобка, поскольку практически у всех народов круглые лепешки составляли основу разнообразных обрядов, например, масленичных или поминальных у славян [6].

Насыщенность символического образа значениями, которые не поддаются точной исторической расшифровке, делает его структуру особенно прочной. Русский ученый А. А. Богданов, изучавший законы организации систем, отмечал устойчивость символов, рассматривая их как пример действия депрессии. Он пришел к мысли, что символические системы состоят из двух подструктур: «низшей», обеспечивающей устойчивость, и «высшей», более пластичной и изменчивой. Подобная система способна развиваться, но обладает преимущественно стабилизирующими, а не стимулирующими возможностями [3, 131]. Предназначение символов в том, что они играют «скелетную роль» в социальной реальности человека. На символах строится любая идеология, овладевающая массовым сознанием, из них вырастают социальные мифы; группы символов, объединяясь в комплексы, составляют основу новых художественных школ и направлений. Символы народных сказок, в том числе «Колобка», относятся к универсальным элементам мифосознания, так как их коллективный автор – народ – обращается к общим и главным для человека вопросам рождения и смерти, правды и обмана, верности и измены. Однако в конкретной этнокультурной среде сказки приобретают специфические оттенки, что объясняется взглядом на мир, свойственным данному народу. В итоге структура символического образа приобретает двуслойный вид, включая и неразложимый древний слой значений, и их подвижный современный слой, благодаря которому образ становится динамичным и гибким.

Сказочные образы целесообразно анализировать в общем этнокультурном контексте. Так, «Колобок» традиционно относят к сказкам о животных. Однако персонажи-животные играют в ней второстепенные роли, а существо под названием «Колобок» не отнесешь ни к зверям (для этого оно слишком антропоморфно), ни к людям (не совпадает антропологически). Создание Колобка, который «по коробу скребен, по сусеку метен, на сметане мешон, да в масле пряжон», напоминает древний славянский обряд «перепекание ребенка», который строился на отождествлении ребенка и хлеба [9, 408]. Для того чтобы избавить дитя от болезни или укрепить новорожденного в случае преждевременных или тяжелых родов, его обмазывали тестом и на лопате всовывали в теплую печь, чтобы он там «допекся», заново «родился» здоровым и сильным. Это обряд с целью ввести в заблуждение злые силы сопровождали диалогами и причитаниями, в которых говорилось не о ребенке, а о хлебе. Хлеб придавал младенцу силу, которая в тексте сказки усилена песенкой самого Колобка. По определению Н. И. Толстого [8], эта песня является «текстом творения», так как связана с ритуалами плодородия, и имеет, согласно народным представлениям, магическую оборонительную силу, помогая Колобку спастись в трех опасных ситуациях. В соответствии с фольклорными быличками способность Колобка уходить от опасности объясняется народными представлениями о поскребышах, противостоявших власти ведьм и колдунов [8].

Особым символическим значением наделены в сказке образы стариков. В частности, образ старухи допускает разнообразные обрядовые ассоциации со словом «баба». «Бабой» на Руси называли не только пожилую, но и просто за-

мужнюю женщину, лекарку, знахарку, повитуху, прибежавшую к помощи сверхъестественной силы. На Святки по домам традиционно ходили «дед» и «баба», игровые действия которых были связаны либо с темой плодородия, либо смерти-воскрешения. В этих традициях кроется объяснение странного, с современной точки зрения, присутствия в русских сказках именно стариков, а не родителей персонажей.

Отечественные исследователи придают особое значение неожиданному бегству Колобка из родительского дома [8]. Причину видят как в легкомыслии и импульсивности героя, так и в свойственной ему неустойчивости. Имея круглую форму, он просто обречен на движение, причем движение вниз (глагол «покатился» в русском языке имеет снижающее значение). Встречаясь с традиционными обитателями русских сказок (Зайцем, Волком, Медведем, Лисой) Колобок становится все более заносчивым и хвастливым, не переставая удивлять оптимизмом и жизнерадостностью. Поэтому, хотя он беспрестанно «колобоит», т. е. «болтает, трепет языком», Колобок производит впечатление веселого и приятного существа [6]. Более современный близкий ему литературный персонаж – Хлестаков, герой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Ему, в отличие от Колобка, все-таки удалось «уйти» от городничего, однако гоголевский персонаж производит только негативное впечатление. Родственные черты этих двух героев настолько распространены в русской действительности, что иностранцы выделяют их как особенность национального характера: «в каждом англичанине есть сочетание характера Генриха VIII, Джона Мильтона и мистера Пиквика, а в русском человеке сочетаются Петр Великий, князь Мышкин и Хлестаков» [5, 353].

Современное значение сказочного образа. Несомненно, сказка вызывает симпатию к Колобку и сожаление по поводу его прерванного побега. Авторы детских книг не раз пытались придумать благополучный, без сурового наказания конец сказки, но он, несмотря на их усилия, в устной традиции не закрепился. Объяснение этих неудач кроется в том, что сказка дает образец поведения в жизненной ситуации, а не просто рассказывает об отдельном персонаже. Для ее осмысления важен весь сказочный сюжет, а не его отдельные звенья, и сюжет «Колобка» выступает как история одинокого маргинального существа. Такая сказка оказывается особенно востребованной в период социальных трансформаций, когда обществу не хватает определенности и ясности мироощущения. Их всегда можно найти в сказочных сюжетах, движение которых направлено в сторону справедливости и гармонии жизни. Универсальный человеческий опыт, который остается в содержании сказок, несет в себе такие способы поведения, которые многократно проверены поколениями. Отношение общества к этому опыту отражает изменения, которые происходят в ментальности народа, его культуре и социальной жизни.

К числу главных психологических проблем современности относят сложности идентификации. Сказка, вобравшая в себя архетипический опыт мифологии, создает образ Колобка, изначально не способного к какой-либо идентификации. Странное существо, неоформленное и неопределенное, потому и оказывается съеденным, что не задерживается ни с кем и ни в ком не нуждается. Колобок не ищет друзей или помощников. В сказке только одно упоминание о его житейских отношениях – рассказ, как он от «дедушки» и «бабушки» ушел. Но как бы ни стремил-

ся Колобок к свободе, сказка не дает ему простора и жизненного пространства: в прошлом остаются старуха со стариком, собиравшиеся им полакомиться, а будущее у него отбирает хитрая Лиса. Маргинальному существу, дуальному по своей сути, не найти друга и в одиночку не выжить, его дорога никуда не приведет. Сначала на ней возникают угрозы и препятствия в виде персонажей-животных: Зайца как олицетворения сексуального начала в славянской мифологии; Волка, считавшегося оборотнем, находившегося на грани между «тем» и «этим» светом; Медведя, который благодаря силе и человеческой осанке стал тотемом славянских племен. И только перед лестью Лисы неразумный беспечный Колобок оказывается бессильным. Это неслучайно, поскольку в славянской мифологии Лиса является спутницей и воплощением Макоши – богини судьбы и урожая.

На этнокультурном уровне анализа в сказочных образах «Колобка» проступают традиционные черты русской действительности (жизнь как выживание, душевность и насилие) и особенности русского характера с его нерасчетливостью и сиюминутностью. Именно о таких, типичных для русского человека, чертах пишет К. А. Абульханова в статье «Российская проблема свободы, одиночества и смирения» [1]. Но в сказке «Колобок» отсутствует одно из названных ею архетипических свойств – смирение, которое в общем контексте русских сказок воссоздается сказкой-близнецом – «Терешечкой».

Эта сказка получила развернутую транскультурную интерпретацию С. Биркхойзер-Оэри. У нее поведение главного героя Терешечки, единственного сына престарелых родителей, которые своей любовью и заботой превратили кусок дерева в ребенка, истолковывается как «спасение от смертельной угрозы, исходящей от ужасной матери» [2, 128]. По мнению интерпретатора, ведьма Чувилуха, в руки которой попадает Терешечка, нарушивший материнский запрет, символизирует теневую сторону родной матери, или материнскую аниму, стремящуюся погубить сына. Затеяв странную, с точки зрения С. Биркхойзер-Оэри, игру с ведьмой, Терешечка не убегает от неё, а забирается высоко на дерево и дразнит Чувилуху. В его спасении С. Биркхойзер-Оэри видит временную победу добра, поскольку, избежав опасности, герой так и не достигает главного – не избавляется от материнской фиксации.

Славянская мифология позволяет несколько иначе толковать образ Терешечки. Герой сказки уходит от опасности, пока он проявляет патриархальную почтительность к родителям. Напротив, непослушание и беспечность приводят к смертельной угрозе, и только появление гусенка спасает Терешечку от гибели. С образом гусенка в сказке возникает традиционная для фольклора тема сиротства, которая еще раз символически подтверждает необходимость следовать родительским советам и уважать старших, чего так не хватает Колобку.

Ретроспективное этнокультурное исследование показывает, что символика Колобка включает в себя несколько единиц значения: необдуманность поведения, легкомыслие и самоуверенность во взаимоотношениях с окружающими (объединяющее значение – «самонадеянность»); простодушие, детскость (т. е. «беззлобность»); бахвальство, инфантильность, податливость по отношению к лести («хвастливость»); жизнерадостность, поиск свободы, оптимизм («стихий-

ная воля»); неустойчивость, неопределенность, отсутствие прочной основы (объединяющее значение – «маргинальность»); одиночество, бегство как способ существования («обособленность»). Итоговое, обобщающее содержание, вмещающее все перечисленные единицы значения, включает в себя нежизненность, недееспособность легкомысленного маргинального существа, неспособного любить и дружить.

Экспериментальное изучение. Для подтверждения интерпретации народной сказки применялся метод Q-сортировки. В качестве испытуемых выступили студенты третьих курсов психологических факультетов Владимирского государственного гуманитарного университета и Владимирского филиала Столичной финансово-гуманитарной академии (39 девушек и 19 юношей в возрасте 19–21 года). Прослушав текст, они дали письменную интерпретацию сказки. Затем группа экспертов из трех преподавателей психолингвистики и социальной психологии отобрала из студенческих работ высказывания, передававшие смысл интерпретации. Они были отредактированы в речевом и грамматическом плане, но с полным сохранением содержания и тональности. Процедура Q-сортировки проводилась в соответствии с принципами, сформулированными в работах ее основоположника Б. Стефансона: осуществлялось сплошное исследование с навязанной сортировкой [11]. Испытуемым предъявлялись 63 позитивных (например, «Каждый создает свой мир»), негативных («Современность порождает двуличие») и нейтральных утверждения («Сказки пишутся про нашу жизнь»), раскрывающих смысл сказки «Колобок». По результатам сортировки проводился факторный анализ на основе компьютерной программы SPSS Statistics 17.0. Было выделено 3 фактора (см.: табл. 1). При выделении главных компонент 36 утверждений, т. е. 50% высказываний, оказались пропущенными и не вошли в состав факторов. Это говорит о трудностях объединения утверждений и широте спектра предложенных интерпретаций.

Таблица 1

Показатели, полученные после вращения факторов (VARIMAX)

Фактор	Названия переменных	Значение факторной нагрузки
I. Враждебность общества человеку	Под сладкими выражениями таятся мысли коварные	.628
	Стереотипность, косность и безответственность ведут к деградации	.578
	В процессе социализации часто меняется круг общения	.573
	Что ни делается – все к лучшему	.562
	Сказки пишутся про нашу жизнь	.560
	Современность диктует необходимость владения арсеналом воздействий	.542
	Современный человек – жертва общества, которое, манипулируя им, достигает своих целей	.501
	Когда в жизни тяжело, друзья всегда поддержат	–.614
	Мужские и женские стратегии качественно отличаются друг от друга	–.601
	Русская женщина сильна духом	–.593
Все лучшее – детям	–.576	

Окончание табл. 1

Фактор	Названия переменных	Значение факторной нагрузки
2. Индивидуализм и рациональность целей	Надо двигаться к намеченной цели, мечте	.745
	Невозможно – это не навсегда	.609
	Главное – поставить цель, проанализировать ситуацию, а потом уже планировать и действовать	.540
	Хлеб есть непреходящая ценность для русского народа	-.639
	В наше время общение с друзьями – роскошь	-.628
	Молодежь, отделившись от родителей, предпочитает забыть о них	-.600
	Надо быть как все	-.591
	Мы в ответе за тех, кого приручили	-.550
3. Сила как основа социального успеха	В мегаполисе больше шансов добиться успеха	.618
	Государству необходимо содействовать развитию малого бизнеса	.581
	Взаимодействие – развитие	.529
	Стереотипность, косность и безответственность ведут к деградации	.516
	Недалекие люди верят в удачу, сильные – в причину и следствие	-.689
	Семья слабеет как социальный институт	-.624
	Современность порождает двуличие	-.595
	Дерзость – способ достижения успеха	-.525
	В обществе ярко проступает разрыв в доходах богатых и бедных	-.508

В *первый* фактор вошли утверждения с положительным (например, «Стереотипность, косность и безответственность ведут к деградации», «Современность диктует необходимость владения арсеналом воздействий» и др.) и отрицательным («Когда в жизни тяжело, друзья всегда поддержат», «Русская женщина сильна духом» и др.) значением факторной нагрузки (см.: табл. 1). Разделение фактора на утверждения с положительными и отрицательными значениями свидетельствует о противоречивости его содержания. Причем утверждения с положительными значениями факторной нагрузки несут в себе негативное социальное содержание, пронизаны недоверием к враждебному обществу, склонному манипулировать человеком. Напротив, утверждения с отрицательными значениями факторной нагрузки имеют позитивную направленность на общечеловеческие ценности, которые, по сути, выступают как не совпадающие с нормами общества, противоположные им. Иными словами, то, что делает человеческую жизнь более гуманной и справедливой, воспринимается испытуемыми как не соответствующее нормам общества. В итоге человек предстает в позиции слабого существа, неспособного противостоять социальным правилам, пассивно подчиняющимся им. Поэтому данный фактор получил название «Враждебность общества человеку».

Второй фактор составили утверждения с положительным (например, «Надо двигаться к намеченной цели, мечте») и отрицательным («Хлеб есть непреходящая ценность для русского народа» и т. д.) значением факторной нагрузки (см.: табл. 1). Анализ утверждений вновь обнаружил сочетание противоречивых высказываний. Те из них, которые имели положительное значение, отличались ак-

тивным, действенным началом, говорили о настойчивости, рациональности, целенаправленности и могли быть объединены названием «Индивидуализм и рациональность целей». Утверждения с отрицательным значением факторной нагрузки, напротив, несли в себе объединяющий, сближающий людей смысл. Они содержали слова: «русский народ», «друзья», «родители», «те, кого приручили» и т. д. Фактор, таким образом, носил амбивалентный характер и соединял позитивную оценку ценностей сильной личности и отрицательную – коллективной группы.

Третий фактор включал такие утверждения, как «В мегаполисе больше шансов добиться успеха», «Государству необходимо содействовать развитию малого бизнеса», «Недалекие люди верят в удачу, сильные – в причину и следствие» и др. (см.: табл. 1). Утверждения, получившие положительное значение, говорили о современных социальных условиях, о новых общественных тенденциях; утверждения с отрицательным значением факторной нагрузки касались нравственных изъянов сегодняшней действительности, ослабления объединяющих начал в жизнедеятельности человека. Своей противоречивостью третий фактор напоминал два предыдущих и выводил анализ сказки за грань семейного круга на уровень общественных вопросов. В нем нашли отражение деловая предприимчивость времени и свойственное ему противопоставление силы и слабости. Именно наличие силы или слабости, как показывает *Q*-сортировка, имеет решающее значение в современном обществе, где востребованы динамичные, способные к выживанию люди. Фактор получил название «Сила как основа социального успеха».

Таким образом, с одной стороны, совокупность выделенных факторов подтверждает архетипичность образа Колобка. Его поведение и у современных взрослых читателей вызывает смешанные чувства: сочувствие из-за одиночества и слабости, легкую улыбку из-за глупой самонадеянности и понимание безвыходности ситуации. В интерпретациях сказки, сделанных студентами, ее герой не похож на остальных персонажей и способен только «уходить» от них, не стремясь к привязанности или дружбе. Его стратегия обособления оказывается неэффективной, даже губительной. С другой стороны, у испытуемых наблюдается разнообразие мнений о судьбе Колобка, которое порождается современными социальными условиями. Неслучайно утверждение «Стереотипность, косность и безответственность ведут к деградации» входит сразу в два фактора – первый и третий. Признается, что успех в обществе достигается за счет целеустремленности, силы, рассудительности, т. е. спасение все-таки не в человеческом единении или нравственных качествах, а в рациональном понимании особенностей современного мира, адекватном выборе целей и готовности действовать.

Заключение. Сказка, рождающаяся из этнической мифологической основы, объединяет ее носителей, интегрирует индивидуальное Я человека и культурный мир, в котором он живет. Она несет в себе специфические способы осмысления действительности, воплощенные в символических сказочных образах, имеющих двухслойную структуру. Первый, более древний, слой значений символа содержит устойчивые представления о действительности. Современный

слой значений включает более тонкие, дифференцированные смысловые оттенки, и на данном культурно-историческом этапе они говорят о востребованности сильной личности, способной выживать в трудном и враждебном социальном мире. Тем не менее за счет традиционных для данной этнической культуры сказочных фигур символический образ сохраняет целостный взгляд на мир, согласно которому индивидуализм и обособление оборачиваются гибелью персонажа. Так, благодаря усвоению культурного наследия человек продолжает строить собственную жизнедеятельность в соответствии с моделями поведения, выработанными в истории человечества и усвоенными им в онтогенезе.

1. *Абульханова К. А.* Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 5.
2. *Биркхойзер-Оэри С.* Мать. Архетипический образ в волшебных сказках. М., 2006.
3. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989.
4. *Василюк Ф. Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5.
5. *Лосский Н. О.* Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 237–360.
6. *Мершавка В. К.* Колобок. Психоаналитическая интерпретация сказки. Юнгианская интерпретация сказки. Буквальная, этимологическая, архетипическая и ритуальная интерпретации сказки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mershavka.ru/articles/detail/34>
7. *Мухина В. С.* Возрастная психология. М., 1998.
8. *Толстой Н. И.* Секрет Колобка // Живая старина. 1995. № 3.
9. *Шанарова Н. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2003.
10. *Krois J. M.* Cassirer, symbolic forms and history / by Krois, John Michael. New Haven: Yale University Press, 1987.
11. *Stephenson W.* Correlating Persons Instead of Tests // Character and Personality. June 1935. P. 17–34.
12. *Von Franz M.-L.* Archetypal Patterns In Fairy Tales. Toronto: Inner City Books, 1998.
13. *White Leslie A.* The Symbol: The Origin and Basis of Human Behavior. Philosophy of Science. 1940. VII. P. 451–463.

Статья поступила в редакцию 18.12.2010 г.